

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

А.Ю. ЗУДИН

Культура советского общества: логика политической трансформации*

До недавнего времени общепризнанной считалась "моностилистическая" модель культуры советского общества. Советская культура изображалась внутренне однородной и не подверженной процессам дифференциации. В такой интерпретации культурные основы советского общества исключали возможность возникновения идеологического и политического плюрализма. Официальная формула ("национальная по форме, социалистическая по содержанию") достаточно точно описывала условия существования всех основных компонентов "разрешенной" культуры.

Моностилистическая модель адекватно описывает внешние параметры функционирования советской культуры. Остается, впрочем, неясным, в какой мере и на какую глубину "моностистика" способна определять реальное, эмпирически наблюдаемое состояние культуры. Неясно и то, каким образом она может обеспечивать развитие культуры.

Развитая культура обладает способностью к порождению нового смысла - возможностью давать новые ответы на новые вопросы, которые время ставит перед членами общества, каждый раз по-новому делая осмысленным индивидуальное бытие. Рождение новых смыслов возможно только в том случае, когда взаимодействие культуры и общества протекает в режиме диалога [1]. Диалог представляет для культуры жизненно необходимую форму существования. Если точно и буквально следовать логике моностилистической модели, нужно исключить саму возможность развития советской культуры, что находится в противоречии с многочисленными эмпирическими свидетельствами. Остается предположить, что развитие протекало вопреки моностистике, через дифференциацию и постепенное преодоление однородности.

По мере проведения систематических исследований взгляд на советскую культуру усложняется [2]. Возникнув в работах западных авторов, новый взгляд на культуру советского общества начинает утверждаться и в отечественных исследованиях. Из работ последнего времени, на наш взгляд, особого внимания заслуживают содержащая богатый эмпирический материал, множество выразительных характеристик и точных обобщений книга П. Вайля и А. Гениса [3], исследование В. Паперного [4],

* Работа подготовлена в рамках проекта "Процессы идейно-политической и социально-психологической дифференциации в российском обществе переходного периода". Руководитель проекта - Г. Дилигенский, Проект осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Зудин Алексей Юрьевич - научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

предлагающее тщательно обоснованную "циклическую" концепцию культурной трансформации в период 20-60-х годов, а также учебник Л. Ионина [5], который вводит в научный оборот важные для анализа советской культуры понятия ("общественная репрезентация", "моностилистическая" модель, "сакральное ядро"). Большой фактический материал об эволюции официальной культурной политики в период "позднего социализма" содержит переводная работа немецкого исследователя Д. Кречмара [6].

Моностилистика постепенно превращается из нормативной характеристики во временное и неустойчивое состояние советской культуры. Вместо набора застывших образцов, которые исправно воспроизводятся от поколения к поколению, советская культура предстает как развивающийся феномен. За фасадом идеологического единства и стилистического единообразия проступает процесс культурной трансформации.

Классическая версия советской культуры основывалась на сакрализации секулярных (общественно-политических) ценностей и вытеснении сакральных ("смысл-жизненных") ценностей на периферию. Несоответствие внутреннего содержания ценностей их официальному положению образует базовое противоречие советской культуры. Постепенное изживание этого противоречия, растянувшееся почти на четыре десятилетия, образовало ось динамики советской культуры и в конечном счете привело ее к краху.

Возникновение базового противоречия советской культуры сопряжено с особенностями ее генезиса. Зарождение и последующее утверждение советской культуры было связано с потрясениями такой силы, что их вполне можно назвать социальными катастрофами. Мощные сдвиги переворачивают общественную иерархию культуры. На поверхности оказываются архаические культурные слои, которые по своей природе обладают повышенным тяготением к сакрализации. По мнению И. Яковенко, следствием стала "активизация архаических пластов культурной памяти. Произошел возврат к доосевым ("осевое время" - термин для обозначения эпохи возникновения мировых религий. - А.З.), тотемическим представлениям о власти, содержащимся в массовой ментальности" [7]. Развернутый анализ феномена тоталитарного сознания как архаического в своей основе содержится в статье Л. Гозмана и А. Эткинда [8]. Тоталитарная идеология расчищает путь культурной архаике, преодолевая сопротивление традиционного и современного пластов культуры.

Свой вклад в процесс тоталитарной реконструкции внесли и особенности традиционной культуры предреволюционной России. Кратко эту особенность можно определить как внутреннюю "негерметичность" базовой русской культуры. "Герметичность" — это свойство, которое культура приобретает в Новое время в ходе и в результате секуляризации, после обособления рационального и сакрального начал, обретая четкие внешние границы, внутреннюю дифференцированность и самодостаточность. "Герметичная" культура уже не нуждается в каких-либо внешних оправданиях своего существования. Такое свойство предполагает у ее творцов служение профессии, а не обществу, самой культуре, а не чему-то вне ее. В России этот процесс, растянувшийся на несколько столетий, принял сложные, противоречивые формы.

Тоталитарная идеология не просто навязывает себя обществу. Сакрализация секулярных ценностей опирается на особый психологический механизм. Крах привычного социального порядка сопровождается распадом и девальвацией исторически сложившейся культурной иерархии. Человек испытывает острую потребность в обретении ориентиров, которые бы позволили найти смысл в происходящем. "Вера", т.е. отключение рационального диалога, зачастую оказывается единственным способом сохранить внутреннее равновесие. (Анализ религиозности как атрибута тоталитарного сознания можно найти в [9]).

Пройдя через тоталитарную трансформацию, значительная часть общества с внутренней готовностью принимает ценности, нормы и символы, монопольно предлагаемые ему тоталитарной идеологией. Ценности, усвоенные без участия или со слабым

посредничеством рациональных пластов сознания, прочно укореняются в человеческой психике.

Складывается классическая версия советской культуры, которая впоследствии получила название "большой стиль" (Б. Гройс). Все диалогические взаимоотношения и связи в пространстве советской культуры были оборваны. Идеология задавала мировоззренческий вектор и ориентацию на всем пространстве советской культуры.

Центральное место в сакральном ядре занимает "героическое родовое время" (время рождения коммунистического режима) и события, с ним связанные (Октябрьская революция и гражданская война). Положительные (как и отрицательные) персонажи "героического времени" соответствуют строгому официальному канону. Преданность вождю, партии, родине, теплота во взаимоотношениях с близкими и друзьями сочетаются с подчеркнутой беспощадностью к "врагам" (наиболее употребительные общие характеристики акцентируют именно "бойцовские" качества - "стойкий", "несгибаемый", "верный", "преданный"). Настоящее время фактически лишено самостоятельной социальной ценности. Оно явно или неявно служит продолжением "героического времени" (гражданская война продолжается в форме борьбы с "врагами народа").

Индивидуальное существование лишалось внутреннего смысла и оправдания в культуре. Только во взаимосвязи и в соотношении с "родовыми ценностями", средоточием которых выступало сакральное ядро культуры, жизнь отдельного человека обретала смысл.

Главной целью тоталитарной реконструкции было создание культурно однородного общества. Это служило условием подчинения его политическим целям коммунистического режима. Однако культурная дифференциация общества оказалась принципиально неустранимой. Преодолев и ликвидировав прежние разграничительные линии, сакрализация культуры способствовала возникновению новых. Призванная обеспечить однородность, "сакрализация" на деле лишь максимально упростила культурную стратификацию.

Официальные ценности трансформировались в процессе перехода от эгалитарной к иерархической культуре. Рождение номенклатуры в качестве привилегированного слоя советского общества принесло с собой новый принцип: "Чем выше оценивает культура достоинство человека, тем больше у него возможностей для индивидуализма" [4, с. 216].

В официальной системе ценностей аскетизм был дополнен символическим благосостоянием, коллективизм - "иерархическим индивидуализмом".

В классической версии советской культуры официальные и санкционированные ценности отделены от обширной культурной периферии. Советская культура фактически разделена на два полюса. На одном располагалось "сакральное ядро" и прилежавшее к нему официальное пространство, на другом - "профанная периферия". Все лишённое иерархической соотнесенности с официальными ценностями было вытеснено в область "мелких" и "низких" значений. Рациональность (критичность), партикулярность, смех, чувственность, которые могли представлять угрозу расширенному "сакральному ядру", ограничивались и подавлялись. Периферия постоянно подпитывалась стихийным диалогом с самодеятельным устным творчеством, исключённым из официального культурного оборота.

"Параллельный" культурный оборот, протекавший на периферии и в "подполье" "сталинской классики", отличался дифференцированностью. Помимо сельского и городского фольклора и "профанной" песенной стихии в нем участвуют и продукты "высокой" культуры, изгнанные из официального пространства (в основном книги). Государственные библиотеки были стерилизованы, архивы надёжно закрыты, но домашние библиотеки интеллигентов, "старых большевиков" и "потомственных горожан" служили убежищем для книг, изданных до революции и в первые после-революционные годы. Эти книги были активно включены в культурный обиход, хотя официально их как бы не существовало. Наряду с тщательно отобранной классикой,

тиражировавшейся аппаратом официальной культуры, домашние библиотеки удовлетворяли культурные запросы, вытесненные на периферию.

В отличие от "профанной" фольклорной или песенной стихии, "явочным порядком" обретавшей возможность общественной презентации (на улице, в ресторанах и пивных, во время застолий), социальная среда, пропитанная "запретными" продуктами "высокой" культуры, была обречена на социальное молчание. Она была лишена будущего в официальной культуре и должна была умереть, "не оставив потомства". Но сталинская "монокультура" рухнула раньше, чем закончился естественный жизненный цикл "потанной культуры". Тогда стало ясно, что вынужденное молчание не означало отсутствия слов.

Особенности генезиса и способа существования лишали классическую версию советской культуры будущего. Низкая по историческим меркам жизнеспособность культуры, реконструированной тоталитаризмом, была обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, мировоззренческая система, положенная в основу новой культуры, не была предназначена для того, чтобы отвечать на "вечные", "экзистенциальные" вопросы ("о смысле жизни", "жизни и смерти", "добре и зле", о соотношении "прекрасного" и "благого"). Никакой серьезный диалог с тотальной идеологией невозможен. Каждый из членов официальной галереи культурных героев (и литературный Павел Корчагин, и кинематографический Василий Иванович Чапаев) имел какие-то зачатки жизненной философии и свои варианты ответов на вечные вопросы. Но эти ответы были весьма бедными и короткими, привязанными к конкретным жизненным ситуациям, как правило, из эпохи "героического времени", когда происходило становление коммунистического тоталитарного режима. Диалогические жанры (вместе с интеллектуальной рефлексией) не поощрялись. Классическая версия советской культуры располагала определенным набором "жизненных рецептов", но была неспособна выработать адекватные ответы, сталкиваясь с новыми вопросами.

Во-вторых, глубоко архаическим был способ усвоения и последующего существования "сакрального ядра" культуры. Активный жизненный цикл ценностей, усвоенных внедиалогическим способом, ограничен рамками поколения, прошедшего через травматические переживания. Ценности, усваиваемые таким образом, плохо передаются от одного поколения к другому. Включение их в обычную систему социализации сопровождается омертвлением и утратой притягательности. Внедиалогический способ усвоения и существования официальных ценностей создавал внутреннее препятствие для развития классической версии советской культуры на собственной основе.

В-третьих, культура с предельно расширенным сакральным ядром ощущается как "тяжесть" в обществе, и в этом заключается еще одна ее слабость. "Люди не выдерживают постоянного упоения священным... и ищут мирское пространство - чтобы расслабиться. ...Везде и всюду разлитая святость - слишком тяжелая ноша для этого мира" [10, с. 49, 51].

Противоречие между "сакральной" идеологией и "секулярным" обществом, которому было отказано в праве на полноценную культуру, стало главной движущей силой культурной трансформации в "позднем" советском обществе. Постоянное соприкосновение с обширной периферией, преследуемой и презираемой официальной культурой, послужило основным инструментом ее трансформации.

Исходные секулярные основы культуры и общества задали естественные ограничения расширенному воспроизводству сакрального ядра. Вытеснение рациональных ценностей подрывало системы жизнеобеспечения и безопасности, поскольку экономика, силовые структуры и жизненный уклад коммунистического режима опирались на знания и технологии современного (рационального) типа. На новой социальной основе культура начала постепенно возвращаться к состоянию, предшествовавшему "сквозной" сакрализации. Демонтаж классической версии советской культуры сопровождался сближением с более современными и рационалистическими компонентами культуры.

Произошло расширение спектра ценностей, санкционированных официальной идеологией. Как нечто вполне реальное, а не символическое, в официальной идеологии появились ценности "благосостояния". Отказ от "сверхсакрализации" прервал тенденцию вытеснения ценностей рациональности на периферию. В официальной культуре и идеологии повысился статус специальных знаний и компетенции.

Научно-технические, культурные и спортивные достижения (космос, балет, позднее - фигурное катание), давшие коммунистическому режиму новые ресурсы общественного престижа и политической легитимности, измерялись уже не только и не столько внутренней, сколько международной меркой и "требованиями времени" и только после этого зачислялись в разряд достижений. "Современность" и соответствие "мировому уровню" становятся официальным критерием оценки и способом обретения статуса "ценности".

Секуляризация сопровождалась снижением потенциала агрессивности коммунистической идеологии. Идеологическое насилие внутри страны и идеологическая угроза, обращенная во внешний мир, были ограничены. "Знаковыми" стали отказ от "диктатуры пролетариата" в пользу "общенародного государства" и переориентация на "мирное сосуществование" с Западом. Советская культура была также выведена из состояния внутренней изоляции. Началось возвращение в культурный оборот общества ранее изъятых ценностей (к читателям вернулись Ф. Достоевский, И. Бунин, С. Есенин).

Модернизация способствовала преодолению "профанного" статуса элементов культуры, лишенных прямых связей с "сакральным ядром". "Лирический взрыв" середины 50-х годов породил феномен новой советской культуры, с которым связаны новые имена и новые подходы в поэзии, прозе, кинематографии, театре, музыке. В культуре была восстановлена ценность человеческой жизни, личности и ее чувств, переживаний. В литературе и кинематографии сложилось целое направление, ориентированное на "смягчение нравов". Прозвучали первые разрозненные и пока негромкие вызовы официозной патриархальной морали (кинокартины С. Росточки "Дело было в Пенькове", "А если это любовь?").

Ранние формы культурно-идеологической дифференциации

Идеологическое обновление подтолкнуло культурную и политическую дифференциацию советского общества. Формой организации противостоящих культурных полюсов стали "литературно-журнальные партии". Противостояние "Нового мира" и "Октября" послужило первой линией открытой культурной дифференциации, получившей широкий публичный резонанс. Возник феномен интеллигентов-"шестидесятников", ориентированных на продолжение модернизации, но не выходящих за границы достаточно широко понимаемой социалистической идеологии. Началась открытая борьба группировок, протекавшая в форме литературной полемики. Впоследствии состав противостоящих культурных полюсов расширился и усложнился.

Модернизация преобразовала прежнюю зону профанных значений в "новую периферию" советской культуры. Между официальной культурой и зоной профанных ценностей возникло "промежуточное" культурное пространство, которое вобрало в себя ценности, частично преодолевшие свой неполноценный статус.

Оказавшись в незапрещенной, но внеинституциональной среде, "новая периферия" сложилась в особую систему неформального культурного творчества, со своими звездами, ценителями и центрами. Со временем часть "новой периферии" обретает ограниченную возможность общественной репрезентации (площадь Маяковского, Политехнический музей, затем - журнал "Юность", театр "Современник", Театр на Таганке, радиостанции "Маяк" и "Юность"). В отличие от корпоративно организованной официальной культуры "новая периферия" была непосредственно погружена в повседневность.

Ранние формы открытой дифференциации, казалось, подтверждали тезис о

"нерасчленимости" советской культуры. Оппозиция продолжала находиться внутри единой для всего общества культурной системы. Культурные диссиденты оспаривали пока только официальный эстетический идеал ("канон"), оставаясь благодаря своему мировоззрению "романтическими социалистами". Первый советский диссидент писатель А. Синявский так резюмировал свою позицию: "У меня эстетические разногласия с Советской властью". Талантливые молодые философы ориентировались на "раннего Маркса" (кружок "младомарксистов" во главе с Э. Ильенковым в секторе эстетики Института истории искусств).

Аналогичные позиции занимали и политические оппозиционеры. Многие апеллировали к марксизму, социализму, идеалам революции. Помимо десталинизации возрождению "романтической" версии социализма способствовали события во внешнем мире — революция на Кубе, освободительные движения в странах "третьего мира", "неомарксизм", "новые левые" и студенческое движение на Западе.

"Официальный консенсус": попытка культурно-идеологической консолидации

Усиление идеологической дифференциации и возникновение политической оппозиции, а также события в социалистических странах показывали, что продолжение модернизации становится идеологически неприемлемым и политически опасным для коммунистического режима. Рубежом оказался 1968 год (подавление "пражской весны"). Коммунистическое руководство попыталось установить новое равновесие между "сакральным ядром" и секулярной культурой. Был восстановлен жесткий запрет на вторжение в сферу общественно-политических ценностей, оставшихся за орбитой притяжения "сакрального ядра". Политика и идеология как темы были выведены за рамки общественной дискуссии. В официальной идеологии был взят курс на "восстановление преемственности". Главный шаг на этом пути - частичная реабилитация авторитета Сталина в официальной культуре (первое после длительного времени нейтральное упоминание в речи Л. Брежнева в 1965 году).

Предусматриваются специальные формы контакта с "враждебной" культурой. Одной из таких форм была "критика". Пришло время настоящего "бума" литературы по "критике буржуазных концепций" в самых различных областях (от экономической и управленческой теории до литературоведения, языкознания и эстетики). "Критика" превращается в особую форму существования "подпольной" или просто западной культуры внутри официальной.

В то же время сфера обыденных ценностей была изъята из-под непосредственного влияния "сакрального" начала официальной идеологии. В отличие от политической и идеологической технократическая и культурная модернизации были продолжены. В культуре осуществлялись заимствования, источниками которых выступали дореволюционная традиция, "страны-посредники" и западные образцы. В экономике проводили "малые реформы", не затрагивающие "канона" - основ планового хозяйства. Продолжалась рационализация государственных и партийных структур, начатая в предыдущий период.

Заметно возросло прямое иностранное присутствие в "позднесоветском" обществе. Одной из новых форм прямого присутствия западной культуры в "позднесоветском" обществе становятся передачи западных радиостанций, которые превращаются в составную часть периферии и подполья официальной культуры. По некоторым оценкам, западные радиопередачи в конце 70-х годов регулярно слушало 20% городского населения [11].

Расширились и внешние связи периферии советской культуры. Культурные продукты новой периферии и "культурного подполья" начинают публиковаться на Западе (два громких случая относятся к периоду первой модернизации - роман "Доктор Живаго" Б. Пастернака и "дело Синявского и Даниэля"). Со временем эта практика становится если не массовой, то регулярной. Рядом с феноменом "самиздата" возник

новый - "тамиздат". Отток несанкционированных культурных продуктов на Запад переплетался с притоком в советское общество новой и все более разнообразной культурной продукции из-за рубежа, лишь частично покрываемой "самиздатом", превратившимся в "тамиздат".

Значительная часть "тамиздата" - продукция эмигрантской культуры, которая включается в оборот на периферии и в культурном подполье советского общества. Происходило сращивание подполья официальной культуры с прежде изолированным пластом эмигрантской культуры. Это вело к взаимному обогащению двух культур, не входящих в пространство официальной культуры. Крепнущие связи "культурного подполья" с эмиграцией и зарубежной славистикой разрушали монополию официальной моногилитики на контакт с внешним миром. Культура "позднесоветского" общества вступила в прямой диалог с Западом.

Модернизация привела к усложнению идейных ориентаций советских элит и разрастанию созданных ею субэлитных групп, которые превращаются в главных агентов культурной трансформации. В этой среде на завершающем этапе культурной эволюции размежевание вышло за рамки официального идеологического канона. Если раньше процессы идеологического размежевания не шли дальше специализации внутри единой культурно-идеологической формы, то теперь они начали приобретать характер подлинной дифференциации. Идеология советских субэлит окрасилась во все цвета политического спектра.

Закат "консенсуса": политический консерватизм, социальный кризис и активизация архаики

В конце 70-х - начале 80-х годов происходит ослабление модернизированного пласта "позднесоветской" официальной культуры. Все официальное пространство буквально заполнено всевозможными субститутами и суррогатами, которые обильно производятся официальной культурной элитой и партийной бюрократией с учеными степенями. Мнимых авторитетов и дутых величин становится чрезмерно много. Включенная в официальное пространство модернизированная культура все больше оказывается невостребованной. Светские, рационалистические и гуманистические начала в "позднесоветской" культуре "задыхаются".

После фактического возобновления "холодной войны" советское общество становится все более закрытым. Один из многочисленных показателей этого процесса - перевод цензурой в разряд запрещенных к публикации в открытой печати все большего числа сведений о народном хозяйстве СССР.

Снижается эффективность обширной сети "мозговых центров". Поворачивающее в сторону политического консерватизма коммунистическое руководство все меньше нуждается в их продукции. Коммунистический режим явочным путем начинает свертывать технократическую реформу - одну из основ идеологии согласия в высшем партийном руководстве после отстранения от власти Н. Хрущева. Это сопровождается конфликтами консервативного крыла высшего партийного руководства с ориентированной на модернизацию субэлитой. В ряде случаев происходит отторжение "реформаторов" из партийного аппарата. Порой им трудно ужиться внутри партийного аппарата, они чувствуют, что их работа лишается внутреннего смысла.

Возобновление социального кризиса советского общества с конца 70-х годов, обусловленное снижающейся эффективностью официальной экономики, перегруженностью социальной инфраструктуры и девальвацией трудовых усилий, оказывает нарастающее давление на начавшие рутинизироваться социальные структуры. Ощутимое ухудшение ситуации на потребительском рынке и снижение темпов жилищного строительства девальвируют ценности "благосостояния", которые продолжают санкционироваться официальной культурой. Коммунистический режим оказывается не в состоянии убедительно подтвердить одну из основ его секуляризированной

системы политической легитимации. Это рождает острое напряжение внутри официальной культуры.

Начинается омертвление связей ценностей "благополучия" с официальной культурой. Растущую привлекательность приобретают трудовые усилия за пределами институционализованной экономики или в ее "щелях" и "разломах" (различные формы "приработков", включая "левую работу", стройотряды, нелегальную торговлю, воровство).

Кризис позднесоветской "потребительской культуры" накладывается на кризис позднесоветской "приватной культуры", порожденный обострением социальных противоречий советской урбанизации. Как индустриализация, так и урбанизация постоянно создавали в советском обществе предпосылки то для вытеснения, то для расширения культурной архаики вместе с ее социальными носителями — маргинализирующимися сельскими мигрантами.

Советские крупные города заполняются лимитчиками и новыми мигрантами. В то время когда второе и третье поколения советских горожан праздновали "реформу повседневности", а их дети активно строили "молодежную субкультуру", в движение приходят архаические пласты культуры, постоянно воспроизводившиеся в "позднесоветский" период миграцией и бытовой неустроенностью новых горожан в первом поколении. Противоречие модернизации с советской "протокультурой" ("культурной архаикой" мигрантов и люмпенов) обостряется.

Культурная архаика вступает в конфликт с расширившимся молодежным пластом неформальной модернизированной культуры в естественной среде существования, которую делят между собой обе субкультуры, — на улице. Возникает такой феномен, как "гопники". Молодежная среда дифференцируется не только культурно, но и идеологически. Появляются фашистские и полуфашистские группировки. По некоторым свидетельствам, к 80-м годам они начинают вытеснять советских хиппи с улицы.

Социальный кризис активизирует компенсаторные механизмы "позднесоветской" культуры. Ведущим культурно санкционированным механизмом массовой компенсации становится пьянство. Особое место пьянства в "культуре повседневности" было унаследовано советским обществом от дореволюционного. Это придавало ему глубокую укорененность в культурной традиции и наделяло социальной устойчивостью.

Повальное пьянство на заключительном этапе "позднесоветского" периода свидетельствовало о его превращении в "гиперкомпенсацию". В разной степени пьянство пронизывает все социальное пространство "позднесоветского" общества — от модернизированных пластов официальной культуры до архаической культурной "подпочвы". Советские рабочие, вплотную соприкасавшиеся с культурной архаикой, и маргиналы, всегда бывшие ее эпицентром, постоянно находились в зоне активного притяжения "культуры пьянства". Новым стало распространение "культуры пьянства" на носителей модернизированных пластов культуры.

"Кульм застолья" прочно утверждается среди представителей науки и официальной культуры, а также работников многочисленных советских учреждений. Пьянство В. Высоцкого и В. Шукшина — признанных кумиров неофициальной культуры 70-80-х годов — встречает в этой среде сочувственное понимание. Новым явлением становится "культ пьянства" и среди культурных неформалов. Там пьянство превращается не только в составную часть периферийного образа жизни, но и в источник новых выразительных средств. Ярким примером чисто эстетического сращивания неофициальной культуры с "культурой пьянства" стала популярная повесть "Москва-Петушки" В. Ерофеева, знакомившая читателей с "алкогольным фольклором" и целиком построенная на использовании художественных возможностей "предельных" алкогольных состояний. С культурой пьянства оказались совместимы почти все формирующиеся субкультуры. Практически ни одна группа населения не обладала культурным иммунитетом против него.

Другой механизм культурно санкционируемой массовой психологической компенсации — широкое использование ненормативной лексики. Как и "культура пьянства",

брань стала конкретным проявлением культурной архаики, активизировавшейся в обстановке социального кризиса, поразившего "позднесоветское" общество с конца 70-х годов. Социальная катастрофа и последующая тоталитарная реконструкция во многом изменили статус ненормативной лексики в советской культуре. Из традиционного механизма "проективной разрядки" ненормативная лексика превратилась в часть речевого этикета двух социально родственных и культурно близких творцов тоталитарной реконструкции - наиболее массового типа советского руководителя и маргинала. В культуре советской повседневности ритуализированное пьянство и брань служат главными атрибутами "простонародного" жизненного стиля в такой же степени, как стилизованные атрибуты "классического наследия" - частью сталинской "высокой" культуры (гипсовые статуи, художественно оформленные урны для мусора и принудительная классическая музыка из репродукторов).

Подобно пьянству, распространение брани в советском среднем классе стало признаком кризиса модернизированного пласта "позднесоветской" культуры под натиском нового пришествия культурной архаики. Яркие примеры сращивания неформальной культуры с "языковой архаикой" - роман Ю. Алешковского "Николай Николаевич", целиком построенный на ненормативной лексике, и короткие сатирические стихотворения И. Губермана ("гарики"), в которых брань использовалась для придания им большей остроты.

В "позднесоветской" культуре пьянство вместе с бранью формируют доминирующие образцы в системе социальной идентификации - "мужскую" и "национальную" идентичность (признак "настоящего мужчины" и черта "русского характера"). Таким образом, несмотря на достаточно глубокую модернизацию, "позднесоветская" культура сохраняет глубинную связь со своим исходным состоянием - перевернутой культурной иерархией, в которой тоталитарная реконструкция закрепила гегемонию культуры архаики над культурой современности.

Предпосылки второй модернизации: "большая коалиция" модернизированных субкультур

В последние годы существования "позднесоветского" общества официальная культура отличалась крайней противоречивостью. Усиление политического консерватизма, кризис модернизированной культуры и активизация культурной архаики сочетались с сохранением рационалистических тенденций. Одна из форм проявления рационалистической тенденции в официальной культуре - уже упоминавшийся бум литературы по "критике буржуазных теорий". Последняя, правда, часто принимала "квазирационалистическую" форму.

Другим проявлением указанной тенденции стало усиление рационалистических интерпретаций политической проблематики в официальной культуре. Они проникали в самую сердцевину официальной системы массовых коммуникаций. На ТВ появился незнакомый прежде феномен популярного политического обозревателя, который сохранился вплоть до "перестройки".

Устойчивость культурной модернизации, несмотря на возросший политический консерватизм, в значительной степени объясняется начавшимся преодолением исходных культурных различий в верхах "позднесоветского" общества. Возник фактический союз технократической части руководства с ориентированными на модернизацию субэлитами.

Одновременно с расширением модернизаторских субэлит, но гораздо более медленными темпами, шел процесс обновления в высшем партийном руководстве, который выражался в постепенном подъеме по карьерной лестнице наиболее рациональных его представителей (Ю. Андропов, М. Горбачев, Э. Шеварднадзе, А. Яковлев). Появление и последующее усиление таких людей в партийном руководстве увеличило зону взаимопонимания с технократической, а потом и реформистской субэлитами.

Андропов и Горбачев принадлежат уже к новому типу партийного руководителя - современному, рациональному и вполне культурному (в "узком" смысле). Это сказывается в интеллектуальном кругозоре, эстетических запросах, а также безусловном отторжении унаследованного от сталинской эпохи образа жизни партийной верхушки, включавшего "барство", антиинтеллектуализм и приверженность "культуре пьянства". Данные персонажи представляют модернизированный пласт "позднесоветской" культуры.

На закате советского общества существование культурного многообразия в моностилистической форме становится все более невозможным. "Позднесоветская" культура и общество подошли к "точке бифуркации". Обозначились два возможных направления, каждое из которых опиралось на сформировавшуюся к тому времени в обществе "большую коалицию субкультур". В культурологическом смысле одно подталкивало к возобновлению "сакрализующей травмы", другое - к решительной модернизации культуры. Отношение к модернизации становится главной разделительной линией, поляризующей "позднесоветскую" партийную элиту, субэлитные группы и советский средний класс.

В состав одной коалиции входили взаимно сближающиеся формирующийся "советский консерватизм", антизападнический некоммунистический русский традиционализм и культура архаики. Вторая коалиция тогда еще включала технократов из высшего партийного руководства, которых первоначально поддержали "советские государственники", и модернистски ориентированную часть субэлитных групп.

В социальном пространстве "позднесоветского" общества субкультуры становятся опорой для вертикальных связей, которые сводят воедино прежде трудносовместимые политические и социальные силы - технократическую часть высшего партийного руководства, ориентированные на модернизацию субэлиты из "вспомогательных эшелонов" официальной идеологии и элиту интеллигенции. "Большая коалиция" субкультур делает возможным возникновение политической "большой коалиции" реформаторов, просуществовавшей до конца 80-х годов.

Как и в преддверии первой модернизации, политический выбор советской элиты в конечном счете был определен тем, что консервативная группировка не смогла предложить никаких достаточно убедительных рецептов решения экономических и оборонных проблем. Значение интеллигенции, похоже, в полной мере было осознано технократами. Они помнили ошибки первой модернизации (постоянные конфликты Хрущева с интеллигенцией) и были намерены их больше не повторять. Однако не оценили или просто не заметили того факта, что в преддверии планируемого ими "второго издания" технократической реформы к интеллигенции перешла роль культурного лидера общества. Исходная "негерметичность" культуры позволяла культурному лидерству быстро перерасти в политическое.

Итоги культурной эволюции: от противоречий - к тупику

Основные особенности культурной ситуации в "позднем" советском обществе характеризовались ослаблением притягательности официальных ценностей. Официальная идеология утратила способность определять содержание происходивших в обществе культурных перемен. Процессы культурной дифференциации и структурирования пошли по нескольким основным направлениям. Во-первых, в модифицированной форме оказалась фактически реставрирована основная культурная оппозиция дореволюционного периода ("западники-славянофилы").

Во-вторых, произошло оформление двух субкультур позднего советского общества - городской и сельской. На идеологическое и общественное представительство этих основных субкультур, сложившихся в позднесоветском обществе, претендовали "литературно-журнальные партии".

В-третьих, возникла альтернативная ("молодежная") культура, которая отличалась от своих западных аналогов. В "позднесоветском" обществе она была тесно связана с

потребительскими ценностями и явилась их своеобразным продолжением. (Между тем на Западе молодежная культура родилась как протест против общества потребления.)

Дифференциация "съела" интеграционный потенциал советской культуры. Ее "анатомия" существенно изменилась и прежде всего за счет усложнения внутренней структуры. Дифференциация и ее "стадиальный" предшественник - специализация - породили стилевое, культурное и даже политическое многообразие. Это разрушило иерархичность "позднесоветской" культуры. Идеологическая "вертикаль", которая была стержнем советской культуры, оказалась подорвана.

Итоги культурной эволюции не ограничивались появлением внутри официальной культуры альтернативных, но "неразвернутых" культурных форм. Другие альтернативные культурные формы, которые можно считать "развернутыми", возникли за пределами официального пространства (продукты новой высокой культуры, новые ценности в легальной массовой культуре, новые стили молодежной субкультуры). Фактический плюрализм при сохранении формального господства моностилистики создавал ситуацию культурного тупика.

Становилось все труднее поддерживать культурную интеграцию общества на уровне, который считался необходимым для сохранения идеологического контроля и политической стабильности. Стремление режима казаться одновременно "современным" и "идеологически правильным" выглядело неестественным. Выразительным примером этого неразрешимого противоречия стала атмосфера московской Олимпиады 1980 года с ее противоестественным синтезом официальных и новых ценностей. Общество становилось все более многообразным и разнородным в культурном отношении. В последние годы его существования многообразие культурных стилей было признано в одних случаях официально, в других - фактически. Над общественным укладом позднего социализма возник своего рода культурный "навес".

Коммунистический режим оказался перед идеологическим кризисом гораздо более серьезным и глубоким, нежели тот, который он пытался разрешить сначала модернизацией (в 50-60-е годы), а затем "официальным консенсусом" (в 70-80-е годы). Началась "ползучая" делегитимизация системы. В наибольшей степени делегитимизации подверглась официальная экономика. С одной стороны, государственная собственность утратила моральный авторитет и стала восприниматься как "ничейная". С другой стороны, для маркировки фигуры положительно оцениваемого руководителя позднесоветская культура все чаще привлекала образ "хозяина", который имел прямые коннотации не только с "успешным распоряжением", но и с "частным владением". Статус позитивно окрашенной фигуры "хозяина" быстро рос.

Так, задолго до экономических реформ и приватизации на одном из самых почетных мест в позднесоветской культуре оказалась фигура "частного собственника" и "предпринимателя". Какое-то время поиск "хозяина" не выходил за пределы официального идеологического поля. Образ "хозяина" постоянно примеривают и "прикладывают" к различным социальным фигурам. Его ищут, но не находят среди официальных персонажей тогдашнего общества. Мало-помалу общественный "поиск хозяина" начинает смещаться к границе официальной идеологии. Из символа "формационной отсталости" аккуратные частные магазинчики Венгрии, Польши и ГДР превращаются в немой укор теряющей общественное уважение плановой государственной экономике.

Появившись как причитание, фраза об "отсутствующем хозяине" трансформируется в готовое клише для расхожего объяснения многочисленных изъянов официальной экономики. В конце "позднесоветского" периода эта формулировка стала "общественным диагнозом". Проблема была поставлена. "Отсутствие хозяина" было осознано в культуре как главный изъян официальной экономики. В момент, когда позднесоветское общество вынесло моральный приговор "хозяйству без хозяина", делегитимизацию существующей экономической системы можно считать завершившейся.

Отказ от последовательной модернизации официальной идеологии в конечном

счете способствовал подрыву ее "корневой системы" в массовом сознании. Социальная база официальных ценностей оказалась ограниченной наиболее отсталой частью общества. Она лишалась контакта с системой ценностей советского среднего класса, взаимоотношения с которым все больше сводились к формуле "внешняя лояльность - внутреннее отчуждение". В социально продвинутых группах населения мировоззренческая база оппозиционных настроений начала меняться. Складываются предпосылки для превращения социалистической оппозиции режиму в оппозицию антикоммунистическую.

Общая характеристика культурной динамики

Укладываясь в общие рамки модернизационного процесса и подчиняясь его закономерностям, культурная динамика в позднем советском обществе в определенной степени оказывалась и в русле российской исторической традиции. Взаимоотношения значительной части граждан с официальной идеологией и системой ценностей вполне адекватно описывались формулой "обрядового благочестия", характеризовавшего массовую религиозность в дореволюционной России. Как и 100 лет назад, главным субъектом трансформационного процесса стала интеллигенция. Эволюция системы ценностей проходила под знаком борьбы двух основных культурных центров, имевших прямые аналоги в исторической традиции ("западники" против "славянофилов").

Сходной оказалась и форма организации соперничающих культурных центров ("литературно-журнальные партии"). Наконец, легализованная форма культурной модернизации осуществлялась через культуры-"посредники" (Прибалтику и страны Восточной Европы), что заставляет вспомнить "малую" волну культурной модернизации в "предпетровский" период. (Впрочем, ни одна из этих традиций не была специфическим атрибутом России. Все они в той или иной форме имеют свои аналоги в обществах, проходивших через процессы культурной модернизации.)

Новые тенденции в развитии культуры в позднем советском обществе свидетельствуют как о движении в сторону от официальных ценностей, так и о сохранении преемственности с ними. Можно выделить несколько таких тенденций. Первая - эмансипация и автономизация культуры от господствующей идеологии. Однако эта тенденция была неполной и неоконченной (и другой быть не могла). На глубинном уровне преемственность и связь с официальной идеологией сохранялись. Культура постепенно освобождалась от подчиненной и служебной роли, которая отводилась ей официальной идеологией. Но она оказалась не в состоянии освободиться от одной из своих базовых характеристик - отсутствия "герметичности".

Эта характеристика не навязана культуре идеологией в ходе тоталитарной реконструкции, она была обусловлена исторической традицией, продуктами которой стали как культура советского общества, так и официальная идеология. "Негерметичность" культуры, отсутствие жестких разделительных линий между культурой и "жизнью" - одна из причин (и один из механизмов) трансформации "обновления" культуры в общественные перемены.

Возникают "островки" новой "высокой культуры", внутренне уже не подчиненные высшим ценностям официальной идеологии (А. Тарковский, И. Бродский, М. Ростропович, А. Шнитке, С. Губайдулина). Их отличительной особенностью становится профессионализм. Для носителей новой "высокой культуры" характерна ориентация на профессиональное мастерство и центрированность культуры на себе самой, а не на решении "общественных задач". Представители новой "высокой культуры" плохо приживались в позднесоветском обществе (подтверждением тому служит эмиграция "высоких профессионалов"). Основные пласты культуры, как официальной, так и неофициальной, были принципиально "негерметичны", лишены автономии и "слиты" с обществом и коммунистическим режимом. Главный признак "высокой культуры" - "профессионализм" - отторгался и официальной культурой, и культурой "шестидесятников". «В культуре "шестидесятников" ценности профессионализма оценивались невысоко. Профессиональное "дело" оценивалось не по внутренним профессио-

нальным критериям... а по тому, в какой мере оно несло отпечаток оппозиции или дистанции ко всему официальному, официально общепринятому, официально идеологическому» [12].

Особенностью "шестидесятников" была глубокая враждебность к "культуре денег". Начавшееся изживание "безденежной культуры" в обыденном сознании позднесоветского общества стало первым сигналом будущей культурной маргинализации "шестидесятников", которая наступила уже за рамками советского общества и его культуры.

Вторая тенденция - усиление компенсаторной функции культуры. С учетом того, что такая функция есть у культуры всегда, в данной ситуации уместнее говорить о "гиперкомпенсации", когда культура начинает заменять целые пласты реальности. Культурная жизнь приобретает особую интенсивность: новые книги, фильм, спектакль становятся общественным событием, вокруг них завязываются дискуссии, кипят страсти, возникают группировки, происходят столкновения. Отмеченная функция "позднесоветской" культуры имеет аналогии в дореволюционной истории. Характеризуя русский театр 30-40-х годов XIX века, театральный критик Б. Алперс приходил к выводу: «Здесь происходило своеобразное превращение или "сублимация" общественной духовной энергии, не находившей прямого выхода в жизнь» [13, с. 166,178].

Наконец, третья тенденция - ослабление интегрирующей и усиление дифференцирующей функции культуры. По мере того как в обществе на место единообразия приходило разнообразие, культура начала играть не столько интегрирующую, сколько дифференцирующую роль. Принадлежность к той или иной субкультуре и культурному стилю превратилась в средство групповой идентификации и стала ее знаком. Распознавание "своих" и "чужих" производилось по атрибутам и символам культуры. Однако формирующиеся социально-психологические общности (прежде всего советский средний класс) носят непрочный характер. Они консолидируются преимущественно извне, давлением все более чуждой общественно-политической системы, а не надежными горизонтальными связями изнутри. Политическое отчуждение совмещается с социальной зависимостью от коммунистического режима и сохранением преемственности с породившей его "первокультурой".

Начавшаяся в позднесоветском обществе культурная дифференциация запустила механизм саморазрушения "вертикали" советской культуры. Крах установленной культурной иерархии сопровождался постепенным сжатием и омертвлением "сакрального ядра" и заполнением пространства официальной культуры продуктами периферии. Этот процесс растянулся на три десятилетия и завершился уже в посткоммунистический период.

Последняя фаза разрушения позднесоветской культуры пришлась на середину 90-х годов, когда наступили "смерть" культурных авторитетов и нивелирование культурного ландшафта (Ю. Левада). Этот процесс стимулировали два основных фактора - омертвление "сакрального ядра" и пропитанность советской культуры "духом общественного служения", порожденная ее "негерметичностью". Взятые вместе, они лишили советскую культуру "иммунитета" и способности приспосабливаться к переменам. Сыграв активную роль в тоталитарной реконструкции советского общества, в изменившихся исторических условиях "негерметичность" как характеристика "базовой" русской культуры во многом способствовала изживанию тоталитарного наследия в позднесоветский период.

Получив способность к автономному развитию, позднесоветская культура вошла в противоречие с социальными условиями своего существования. Достигнув предела, культурно-идеологическая, а затем и политическая дифференциация "устранили" общество, в котором происходили. После краха советского общества и его культуры жизнеспособной части продуктов культурной трансформации предстоит проделать новый, достаточно сложный путь, прорастая в посткоммунистическое общество и видоизменяясь в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 324.
2. *Волков В.* Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // *Куда идет Россия.* М., 1997.
3. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1996.
4. *Паперный В.* Культура Два. М., 1996.
5. *Ионин Л.* Социология культуры. М., 1996.
6. *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко, 1970-1985 гг. М., 1997.
7. *Полис.* 1992. №5. С. 189.
8. *Гозман Л., Эткинд А.* Культ власти. Структура тоталитарного сознания // *Осмыслить культ Сталина.* М., 1989.
9. *Фурман Д.* Сталин и мы с религиозно-философской точки зрения // *Осмыслить культ Сталина.* М., 1989.
10. *Геллнер Э.* Условия свободы. М., 1996.
11. *The World Today.* 1980. April. P. 113.
12. *Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция. М., 1995. С. 69.
13. *Хренов Н.А.* Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М., 1981.

© А. Зудин, 1999